

Как это было

«ОНУЮ КАМЕННУЮ
ЦЕРКОВЬ ВНОВЬ
ПОСТРОИТЬ ЖЕЛАЕМ...»

В уже выше названной книге «Самарово» рассказывается о том, как собирались средства на постройку церкви, какая велась по этому вопросу переписка с консисторией. Но еще раньше, в конце 1807 года, на собрании ямщиков (письмо подписано волостным головой Федором Алениным и волостным старостой Петром Лопаревым) в связи с тем, «дабы наша церковь не пришла в крайнюю ветхость» были выбраны доброхоты, снабженные шнурами книгами, для сбора средств на строительство новой каменной церкви, так как имеющегося дохода церкви в тысячу рублей не будет для такого дела достаточно. К тому времени уже вышел Указ Его Императорского Величества строить вместо сгоревших деревянных церквей каменные. Надо сказать, что благое пожелание земляков, а может вкпе с этим и их природная рассудительность, со временем с лихвой оправдало себя. В 1815 году старая деревянная церковь, действительно, сгорела.

Итак, уже в соответствии с приказом от 1 апреля 1808 года благочинный соборный иерей Петр Фелицин сообщил самаровскому духовенству об отобрании с жителей подписки на предполагаемое ими построение новой, каменной церкви. В то время в Самарово значилось 242 дома, душ мужского пола — 721, женского — 725. Фелицин должен был также объявить прихожанам через самаровских священников: 1) «сколько они от собственности своей письменно согласятся внести ныне суммы на построение каменной церкви...»; 2) «сообразуясь наличной церковной сумме... зчинили бы прихожане на построение той церкви план и смету»... а также бы определили место безопасное и приличное.

Волостной голова Борис Губин 1 июля 1808 года собрал сходку, на которой присутствовало крестьян и ясаших остяков 115 человек. Все они «имели согласие, что оную каменную церковь вновь построить желаем...» Что же касается сочинения плана и сметы, писало волостное правление, то сделать это некому, нужны специалисты. В связи с этим в истории сохранился очень интересный факт. Присланный из Тобольска архитектор Шаньгин, рассмотрев канавы, которые копались крестьянами для фундамента, посчитал их недостаточно глубокими и велел рыть глубже. И, когда, работающие возроптали, он обратился к ним с речью, что они работают для Бога, и для будущей каменной церкви необходим прочный фундамент. Как ни старались большевики в конце 20-х, начале 30-х годов разрушить фундамент церкви, так и не смогли. Спустя 70 лет, именно по останкам фундамента, определяют место, где прежде стоял Покровский храм. И именно на этом месте (по старым чертежам) восстанавливают и саму церковь. А место для нее определили возле старой деревянной, ближе к Комиссаровой горе.

«СКОЛЬКО ОНИ
ОТ СОБСТВЕННОСТИ
СВОЕЙ СОГЛАСЯТСЯ...»

О строительстве церкви Хрисанф Лопарев упоминает в своей книге еще два раза. Последняя запись датирована 1924 годом. Согласно церковным книгам за Самаровым значилось недополученных денег на постройку каменной церкви более 1 тысячи рублей. Факт, косвенно говорящий о том, что дата строительства каменного Самаровского храма не 1815 год.

Краеведу или историку, журналисту или писателю, который хоть раз работал с архивными материалами, знакомо это удивительное чувство открытия. Я работала в Тобольском государственном архиве, разыскивая информацию на тему: гонения на Русскую православную церковь в 20-30-е годы прошлого столетия, а мне попались материалы, свидетельствующие о том, как строилась в Самарово (ныне: Ханты-Мансийск) Покровская церковь. Зная о том, что ничего в жизни не происходит случайно, собрала и эти уникальные документы. «Обыкновенно полагают, что Самаровская (от авт.: каменная) церковь построена в 1815 году, — пишет наш знаменитый земляк, составивший для нас историю села Самарово Хрисанф Лопарев в книге «Самарово», — но это отчасти не так, как увидим ниже». К сожалению, дальше в своей работе Хрисанф Лопарев вновь называет эту же дату строительства церкви: 1815 год. Мне же в архиве попались документы, которые с абсолютной достоверностью позволяют утверждать, что дата окончания постройки каменного Покровского храма произошло несколькими годами позже.

«Собрались восхвалять Господу мольбы...»

Есть архивные материалы, которые приводят более точные доказательства.

Параллельно этой истории строительства нахожу в архиве упоминания и о другой. О переводе вдовствующего священника Петра Протопопова в Кодский монастырь. Трудно судить, в чем была причина такого решения. Но в архивах Тобольской духовной консистории сохранилось прошение самого Петра Протопопова, в котором он, в частности, говорит о том, что «если я уеду в монастырь, будет немалая остановка в строительстве каменной церкви. Прошение датируется 19.06.1816 г. Это обращение поддерживает 141 житель Самарово, которые просят не допустить «разорения в обществе». Еще раньше в консисторию обращаются волостной

СПРАВКА

Старосты храма (XVIII — начало XX вв.)

Годы служения	Имя, сословие
[1743]	Иван Глухов, ямской староста
[1779]	Алексей Слободской
[1782]	Семен Сургутский
[1809]	Василий Кузнецов
[1812]	Корепанов, ямщик
[1816]	Иван Башмаков, ямщик
[1873]	крестьянин Иван Григорьевич Кузнецов
1917 — ?	Семен Варфоломеев сын Скрипунов, крестьянин

голова Максим Лыткин и староста Василий Пачганов. Они характеризуют Петра Протопопова исключительно с положительной стороны. «В добропорядочном церковном поведении и мирские требы всегда исправлял исправно в трезвом виде. Призывал вместо сгоревшей деревянной построить каменную хорошим внушением и к спешному сооружению...» В итоге духовные власти уступают просьбам жителей села с резолюцией: «возвратить из монастыря до времени, неотлучно быть при строительстве церкви». Это уже факт не косвенный. В 1816 году Покровский храм еще не был построен. Все эти годы еще ведется переписка с консисторией о том, какой будет будущая церковь. Вышеназванный Петр Филицин в рапорте от 13.10.1816 г. вновь говорит о церкви с тремя престолами: Покровским, Знаменским, Николая Чудотворца. Говорится об этом вновь в рапорте, датированном и за 1818 год. В документах меняются фами-



году храм не мог быть построен. Может быть, эта история когда-нибудь будет иметь свое продолжение.

ИЗ КРЕПКОГО
КАЗАЦКОГО РОДА...

Как совершенно неожиданно нашла свое продолжение история о священнике Ефиме Петровиче Оболтине, который в 1917 году служил в Самаровской церкви. Вот как бывает. Не помню даже кто, но однажды мне прислали список настоятелей и клира, которые когда-либо несли служение в церкви в Самарово. Этот список я передала в приемную настоятеля храма в честь иконы Божьей Матери «Знамение» протоиерея Сергея Кравцова, там и забрали его организаторы православного дискуссионного клуба, который работает на базе сайта Югорского государственного университета. Именно это сообщение отыскала в Интернете внучка Ефима Петровича Татьяна Буянская. Она три года назад со своей дочерью Евгенией начала заниматься составлением родословной. О том, что ее дедушка был священником, Татьяна не знала. Как говорит она сама, узнала случайно. Ее мама — Вера Ефимовна, говорила о том, что ее родители были учителями. Отчасти это было правдой. Потому что до принятия священнического сана Ефим Петрович, согласно данным, присланным

из Тобольского государственного архива, на момент бракосочетания в 1904 году, служил учителем Мало-Атлымского сельского начального училища. Понятно, почему Вера Ефимовна молчала о своих предках. Времена были такие. Вот и Татьяна подумала, что ее дед был последним священником Самаровского храма. Она доподлинно знает, что старший брат Веры Ефимовны — Анатолий Ефимович после окончания в 1919 году Тобольского высшеначального училища в возрасте 14 лет вернулся в Самарово, скорее всего, к своим родителям. А храм был открыт до 1930 года. Зная, как в те годы были быстры на расправу большевики с духовенством, как не допускали любого религиозного влияния, а поэтому «стряпали» дела с обвинением в контрреволюции, ссылали, просто расстреливали без суда и следствия, а порой священникам приходилось, чтобы выжить, перебираться из одного места служения на другое, я задумалась. Моги ли быть Ефим Петрович Оболтин последним священником Покровского храма?

Но тут мне вспомнились письма священномученика Германа Ряшенцева, который с осени 1923 года находился в ссылке в Самарово. Вот что он пишет своему адресату в одном из писем, датированных 26.10.1923 г. «Самое радостное, что привели

здешнего новостильного батюшку (молодой, искренний, простой) в единомыслие». Сказать так об Ефиме Петровиче, которому в 1923 году уже было 45 лет, конечно, нельзя. Следовательно, в 1923 году Оболтинных в Самарово уже не было. Потом их жизненные пути теряются. Доподлинно известно лишь, что после 1930 года он проживал в с. Архангельское в Северном Казахстане (скорее всего, в ссылке), работал в детском доме до ареста. В 1937 году расстрелян. Еще один мученик за веру, молитвами которых живы мы сегодня. 14 лет отсидел и дядя Татьяны — Анатолий Ефимович, тот самый, который вернулся в 1919 году в Самарово к родителям. И, как уже разыскала сама Татьяна, в их роду Оболтинных есть еще один репрессированный. Оболтин Василий Васильевич.

Род Оболтинных — казачий. Они пришли когда-то в Сибирь с Ермаком. Березово — было родовым гнездом этого большого и знатного рода. Потомки Петра Маркеловича и Татьяны Олимпиевны до сих пор живут в Березово, в п. Белый Яр Березовского района. Есть веточка рода в Ишиме, в Омске, Томске. Думаю, это целая отдельная история, связующим звеном которой по воле Божьей стала внучка одного из последних священников, служивших в Покровском храме до его закрытия в 1930 году.

Когда-то я начинала собирать материал о годах гонений на РПЦ на территории современной Югры с надеждой, что откликнутся потомки. Надежда была очень призрачной. О прошлом в семьях, переживших репрессии, предпочитали молчать. Да и потом сами репрессии. И все же где-то в то же самое время стала вдруг интересоваться прошлым Татьяна Буянская, которая после нескольких лет поиска теперь убеждена, что «ее предки, как могли служили Отечеству». И тогда Господь приоткрыл еще одну тайну истории.

Думаю, что поиск наш не закончен. Мы ждем ответа из Ханты-Мансийского ЗАГСа, ФСБ по Тюменской области, комитета безопасности г. Петропавловска Казахстана.

Светлана ПОЛИВАНОВА